

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Страшный Мальчик

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615875
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... Его христианское имя было Иван Аптекарев, уличная кличка сократила его на «Ваньку Аптекаренка», а я в пугливом, кротком сердце моем окрестил его: Страшный Мальчик.

Действительно, в этом мальчике было что-то страшное: жил он в местах совершенно неисследованных...»

Аркадий Аверченко

Страшный Мальчик

Обращая взор свой к тихим розовым долинам моего детства, я до сих пор испытываю подавленный ужас перед Страшным Мальчиком.

Широким полем расстилается умилительное детство – безмятежное купанье с десятком других мальчишек в Хрустальной бухте, шатанье по Историческому бульвару с целым ворохом наворованной сирени под мышкой, бурная радость по поводу какого-нибудь печального события, которое давало возможность пропустить учебный день, «большая перемена» в саду под акациями, змеившими золотисто-зеленые пятна по растрепанной книжке «Родное Слово» Ушинского, детские тетради, радовавшие взор своей снежной белизной в момент покупки и внушавшие на другой день всем благомыслящим людям отвращение своим грязным пятнистым видом, тетради, в которых по тридцати, сорока раз повторялось с достойным лучшей участи упорством: «Нитка тонка, а Ока широка» или пропагандировалась несложная проповедь альтруизма: «Не кушай, Маша, кашу, оставь кашу Мише», переснимочные картинки на полях географии Смирнова, особый, сладкий сердцу запах непрветренного класса – запах пыли и прокисших чернил, ощущение сухо-

го мела на пальцах после усердных занятий у черной доски, возвращение домой под ласковым весенним солнышком, по протоптаным среди густой грязи, полупросохшим, упругим тропинкам, мимо маленьких мирных домиков Ремесленной улицы и, наконец, – среди этой кроткой долины детской жизни, как некий грозный дуб, возвышается крепкий, смахивающий на железный болт кулак, венчающий худую, жилистую, подобно жгуту из проволоки, руку Страшного Мальчика.

Его христианское имя было Иван Аптекарев, уличная кличка сократила его на «Ваньку Аптекаренко», а я в пугливом, кротком сердце моем окрестил его: Страшный Мальчик.

Действительно, в этом мальчике было что-то страшное: жил он в местах совершенно неисследованных – в нагорной части Цыганской Слободки; носились слухи, что у него были родители, но он, очевидно, держал их в черном теле, не считаясь с ними, запугивая их; говорил хриплым голосом, поминутно сплевывая тонкую, как нитка, слюну сквозь выбитый Хромым Возжонком (легендарная личность!) зуб; одевался же он так шикарно, что никому из нас даже в голову не могло прийти скопировать его туалет: на ногах рыжие, пыльные башмаки с чрезвычайно тупыми носками, голова венчалась фуражкой, измятой, переломленной в неподлежащем месте и с козырьком, треснувшим посередине самым вкусным образом.

Пространство между фуражкой и башмаками заполнялось совершенно выцветшей форменной блузой, которую охватывал широченный кожаный пояс, спускавшийся на два вершка ниже, чем это полагалось природой, а на ногах красовались штаны, столь вздувшиеся на коленках и затрепанные внизу, что Страшный Мальчик одним видом этих брюк мог навести панику на население.

Психология Страшного Мальчика была проста, но совершенно нам, обыкновенным мальчикам, непонятна. Когда кто-нибудь из нас собирался подраться, он долго примеривался, вычислял шансы, взвешивал и, даже все взвесив, долго колебался, как Кутузов перед Бородино. А Страшный Мальчик вступал в любую драку просто, без вздохов и приготовлений: увидев не понравившегося ему человека, или двух, или трех, он кричал, сбрасывал пояс и, замахнувшись правой рукой так далеко, что она чуть его самого не хлопала по спине, бросался в битву.

Знаменитый размах правой руки делал то, что первый противник летел на землю, вздымая облако пыли; удар головой в живот валил второго; третий получал неуловимые, но страшные удары обеими ногами... Если противников было больше, чем три, то четвертый и пятый летели от снова молниеносно закинутой назад правой руки, от методического удара головой в живот – и так далее.

Если же на него нападали пятнадцать, двадцать человек, то сваленный на землю Страшный Мальчик стоически пере-

носил дождь ударов по мускулистому гибкому телу, стараясь только повертывать голову с тем расчетом, чтобы приметить, кто в какое место и с какой силой бьет, дабы в будущем закончить счёты со своими истязателями.

Вот что это был за человек – Аптекаренок.

Ну, не прав ли я был, назвав его в сердце своем Страшным Мальчиком?

Когда я шел из училища в предвкушении освежительного купания на «Хрусталке», или бродил с товарищем по Историческому бульвару в поисках ягод шелковицы, или просто бежал неведомо куда по неведомым делам, – все время налет тайного, неосознанного ужаса теснил мое сердце: сейчас где-то бродит Аптекаренок в поисках своих жертв... Вдруг он поймает меня и избьет меня вконец – «пустит юшку», по его живописному выражению.

Причины для расправы у Страшного Мальчика всегда находились...

Встретив как-то при мне моего друга Сашку Ганнибоцера, Аптекаренок холодным жестом остановил его и спросил сквозь зубы:

– Ты чего на нашей улице задавался?

Побледнел бедный Ганнибоцер и прошептал безнадежным тоном:

– Я... не задавался.

– А кто у Снурцына шесть солдатских пуговиц отнял?

– Я не отнял их. Он их проиграл.

– А кто ему по морде дал?

– Так он же не хотел отдавать.

– Мальчиков на нашей улице нельзя бить, – заметил Аптекаренко и, по своему обыкновению, с быстротой молнии перешел к подтверждению высказанного положения: со свистом закинул руку за спину, ударил Ганнибоцера в ухо, другой рукой ткнул «под вздох», отчего Ганнибоцер переломился надвое и потерял всякое дыхание, ударом ноги сбил оглушенного, увенчанного синяком Ганнибоцера на землю и, полюбовавшись на дело рук своих, сказал прехладнокровно:

– А ты... – Это относилось ко мне, замершему при виде Страшного Мальчика, как птичка перед пастью змеи. – ...А ты что? Может, тоже хочешь получить?

– Нет, – пролепетал я, переводя взор с плачущего Ганнибоцера на Аптекаренка. – За что же... Я ничего.

Загорелый, жилистый, не первой свежести кулак закачался, как маятник, у самого моего глаза.

– Я до тебя давно добираюсь... Ты мне попадешь под веселую руку. Я тебе покажу, как с баштана незрелые арбузы воровать!

«Все знает проклятый мальчишка», – подумал я. И спросил, осмелев:

– А на что они тебе... Ведь это не твои.

– Ну и дурак. Вы воруете все незрелые, а какие же мне останутся? Если еще раз увижу около баштана – лучше бы тебе и на свет не родиться.

Он исчез, а я после этого несколько дней ходил по улице с чувством безоружного охотника, бредущего по тигровой тропинке и ожидающего, что вот-вот зашевелится тростник и огромное полосатое тело мягко и тяжело мелькнет в воздухе.

Страшно жить на свете маленькому человеку.

* * *

Страшнее всего было, когда Аптекаренко приходил купаться на камни в Хрустальную бухту.

Ходил он всегда один, несмотря на то, что все окружающие мальчишки ненавидели его и желали ему зла.

Когда он появлялся на камнях, перепрыгивая со скалы на скалу, как жилистый поджарый волчонок, все невольно притихали и принимали самый невинный вид, чтобы не вызвать каким-нибудь неосторожным жестом или словом его сурового внимания.

А он в три-четыре методических движения сбрасывал блузу, зацепив на ходу и фуражку, потом штаны, стянув заодно с ними и ботинки, и уже красовался перед нами, четко вырисовываясь смуглым, изящным телом спортсмена на фоне южного неба. Хлопал себя по груди и если был в хорошем настроении, то, оглядев взрослого мужчину, затесавшегося каким-нибудь образом в нашу детскую компанию, говорил тоном приказа:

– Братцы! А ну, покажем ему «рака».

В этот момент вся наша ненависть к нему пропадала – так хорошо проклятый Аптекаренко умел делать «рака».

Столпившиеся, темные, поросшие водорослями скалы образовывали небольшое пространство воды, глубокое, как колодец... И вот вся детвора, сгрудившись у самой высокой скалы, вдруг начинала с интересом глядеть вниз, охая и по-театральному всплескивая руками:

– Рак! Рак!

– Смотри, рак! Черт знает, какой огромный! Ну и штука же!

– Вот так рачище!.. Гляди, гляди – аршина полтора будет.

Мужичище – какой-нибудь булочник при пекарне или грузчик в гавани – конечно, заинтересовывался таким чудом морского дна и неосторожно приближался к краю скалы, заглядывая в таинственную глубь «колодца».

А Аптекаренко, стоявший на другой, противоположной скале, вдруг отделялся от нее, взлетал аршина на два вверх, сворачивался в воздухе в плотный комок, спрятав голову в колени, обвив плотно руками ноги, и, будто повисев в воздухе полсекунды, обрушивался в самый центр «колодца».

Целый фонтан – нечто вроде смерча – взвивался кверху, и все скалы сверху донизу заливались кипящими потоками воды.

Вся штука заключалась в том, что мы, мальчишки, были голые, а мужик – одетый и после «рака» начинал напоминать

вытащенного из воды утопленника.

Как не разбивался Аптекаренко в этом узком скалистом колодце, как он ухитрялся поднырнуть в какие-то подводные ворота и выплыть на широкую гладь бухты – мы совершенно недоумевали. Замечено было только, что после «рака» Аптекаренко становился добрее к нам, не бил нас и не завязывал на мокрых рубашках «сухарей», которые приходилось потом грызть зубами, дрожа голым телом от свежего морского ветра.

* * *

Пятнадцати лет отроду мы все начали «страдать».

Это – совершенно своеобразное выражение, почти не поддающееся объяснению. Оно укоренилось среди всех мальчишек нашего города, переходящих от детства к юности, и самой частой фразой при встрече двух «фрайеров» (тоже южное аргю) было:

– Дрястуй, Сережка. За кем ты страдаешь?

– За Маней Огневой. А ты?

– А я еще ни за кем.

– Ври больше. Что же ты, другу боишься сказать, что ли ча?

– Да мне Катя Капитанаки очень привлекает.

– Врешь?

– Накарай мне Господь.

– Ну, значит, ты за ней страдаешь.

Уличенный в сердечной слабости, «страдалец за Катей Капитанаки» конфузится и для сокрытия прелестного полудетского смущения загибает трехэтажное ругательство.

После этого оба друга идут пить бузу за здоровье своих избранниц.

Это было время, когда Страшный Мальчик превратился в Страшного Юношу. Фуражка его по-прежнему вся пестрела противоестественными изломами, пояс спускался чуть не на бедра (необъяснимый шик), а блуза верблюжьим горбом выбивалась сзади из-под пояса (тот же шик); пахло от Юноши табаком довольно едко.

Страшный Юноша, Аптекаренок, переваливаясь, подошел ко мне на тихой вечерней улице и спросил своим тихим, полным грозного величия голосом:

– Ты чиво тут делаешь, на нашей улице?

– Гуляю... – ответил я, почтительно пожав протянутую мне в виде особого благоволения руку.

– Чиво ж ты гуляешь?

– Да так себе.

Он помолчал, подозрительно оглядывая меня.

– А ты за кем страдаешь?

– Да ни за кем.

– Ври!

– Накарай меня Госп...

– Ври больше! Ну? Не будешь же ты здря (тоже словечко)

шляться по нашей улице. За кем страдаешь?

И тут сердце мое сладко сжалось, когда я выдал свою сладкую тайну:

– За Кирой Костюковой. Она сейчас после ужина выйдет.

– Ну, это можно.

Он помолчал. В этот теплый нежный вечер, напоенный грустным запахом акаций, тайна распирала и его мужественное сердце.

Помолчав, спросил:

– А ты знаешь, за кем я страдаю?

– Нет, Аптекаренко, – ласково сказал я.

– Кому Аптекаренко, а тебе дяденька, – полушутливо, полусердито проворчал он. – Я, братец ты мой, страдаю теперь за Лизой Евангопуло. А раньше я страдал (произносить «я» вместо «а» – был тоже своего рода шик) за Маруськой Королькевич. Здорово, а? Ну, брат, твое счастье. Если бы ты что-нибудь думал насчет Лизы Евангопуло, то...

Снова его уже выросший и еще более окрепший жилистый кулак закачался у моего носа.

– Видал? А так ничего, гуляй. Что ж... всякому страдать приятно.

Мудрая фраза в применении к сердечному чувству.

12 ноября 1914 года меня пригласили в лазарет прочесть несколько моих рассказов раненым, смертельно скучавшим в мирной лазаретной обстановке.

Только что я вошел в большую, уставленную кроватями

палату, как сзади меня с кровати послышался голос:

– Здравствуй, фрайер. Ты чего задаешься на макароны?

Родной моему детскому уху тон прозвучал в словах этого бледного, заросшего бородой раненого.

Я с недоумением поглядел на него и спросил:

– Вы это мне?

– Так-то, не узнавать старых друзей? погоди, попадешься ты на нашей улице – узнаешь, что такое Ванька Аптекаренко.

– Аптекарев?!

Страшный Мальчик лежал передо мной, слабо и ласково улыбаясь мне.

Детский страх перед ним на секунду вырос во мне и заставил и меня и его (потом, когда я ему признался в этом) рассмеяться.

– Милый Аптекаренко? Офицер?

– Да.

– Ранен?

– Да. – И, в свою очередь: – Писатель?

– Да.

– Не ранен?

– Нет.

– То-то. А помнишь, как я при тебе Сашку Ганнибоцера вздул?

– Еще бы. А за что ты тогда «до меня добирался»?

– А за арбузы с баштана. Вы их воровали, и это было нехорошо.

– Почему?

– Потому что мне самому хотелось воровать.

– Правильно. А страшная у тебя была рука, нечто вроде железного молотка. Воображаю, какая она теперь...

– Да, брат, – усмехнулся он. – И вообразить не можешь.

– А что?

– Да вот, гляди.

И показал из-под одеяла короткий обрубок.

– Где это тебя так?

– Батарею брали. Их было человек пятьдесят. А нас, этого... Меньше.

Я вспомнил, как он с опущенной головой и закинутой назад рукой слепо бросался на пятерых – и промолчал.

Бедный Страшный Мальчик!

* * *

Когда я уходил, он, пригнув мою голову к своей, поцеловал меня и шепнул на ухо:

– За кем теперь страдаешь?

И такая жалость по ушедшем сладком детстве, по книжке «Родное Слово» Ушинского, по «большой перемене» в саду под акациями, по украденным пучкам сирени, – такая жалость затопила наши души, что мы чуть не заплакали.